

Мир. комедии - 2001 - 18 сент. с. 4.

МАМОНТ, ОТДЫХАЮЩИЙ С ДОСТОЕВСКИМ И ГЕТЕ

В субботу свой 38-й сезон открыла Таганка. Последнюю премьеру прошлого сезона "Театральный роман" — сыграли тем же вечером, а бурная жизнь в театре началась с самого утра: в зал стекались актеры на сбор труппы, на сцене рабочие устанавливали какую-то немислимую декорацию в виде громадного серебристого коня, а сам Юрий Петрович Любимов — в черном костюме с галстуком — делился свежими планами.

Сезон 2001/2002 на Таганке начался с минуты молчания в память о жертвах американской трагедии...

— Юрий Петрович, последние события в Америке внесли какие-то коррективы в ваши планы?

— Нет, мы же не блокнот агитатора. Но все это очень грустно — только в июне мы были в Америке с "Маркизом де Садом", и нас там прекрасно принимали. Мир вступил в какую-то странную полосу, и теперь новые формы надо искать не только режиссерам на сцене, но и политикам... Кстати, я знаю на собственном опыте, насколько потрясающе организованы и дисциплинированы американцы. Однажды я летел из Сан-Франциско в Бостон, и самолет попал в сильнейшую грозу. Вышла стюардесса, провела инструктаж среди пассажиров и добавила: "Если кто-то захочет проститься с родными, можете воспользоваться мобильниками".

— Этим летом в Греции с успехом прошел ваш спектакль "Сократ/Оракул". На московскую сцену не собираетесь его перенести?

— Это будет первой премьерой нового сезона. Символично, что Сократ был единственным человеком за всю историю Греции, который в Дельфах был награжден золотым венком. А уже потом, в Афинах, ему предложили выпить яд. И именно там две тысячи четыреста лет назад он сказал: "Я знаю, что ничего не знаю". А другие и этого не знают...

— "Доктора Живаго" будете восстанавливать?

— Конечно, в самом конце октября. Может быть, я там что-то изменю или немножко его укорочу. Я очень люблю музыку Альфреда Шнитке — фактически там его последняя работа. Лару будет играть прежняя актриса. Она вышла замуж и уехала в Лондон, но затосковала там и хочет специально приехать сюда, чтобы играть.

— Новеньких в театр взяли?

— Одного взял. Но вообще у меня целая когорта новых — сейчас я веду свой курс в ГИТИСе и обучаю совместно и режиссеров, и актеров. Я считаю, что сам театр — это что-то вроде мастерской или студии, и стараюсь не обрастать академизмом, который давит достижениями и сковывает движения и душу. Из моего театра было много выходцев-режиссеров: Васильев, Арцибашев, Вилькин, Фоменко... Так что я вроде такого мамонта, задержавшегося почему-то...

— Из экспонатов в вашем кабинете-музее что-то прибавилось?

— Ничего. Портреты Пастернака и Пушкина всю жизнь здесь висели. Вот работа художника Бориса Ефимова, которому 100 лет, — у нас для "Театрального романа" по его карикатуре на Сталина "Страх" сделана маска Сталина. Когда я говорил с Ефимовым насчет разрешения на использование карикатуры, я спросил: "Сколько же у вас страха было, когда вам заказали эту работу? А вдруг вождь так рявкнет, когда увидит это, что будет мороз по коже?". Ефимов отвечает: "Нет-нет, вождь посмотрел и одобрительно сказал: "Ну что ж, я здесь хитер как лиса"... Есть новые надписи на стенке: писал и Аксенов, и Исхандер, и Неизвестный.

— Стены в вашем кабинете никогда не моются?

— Нет, иногда слегка протираются. Многим из этих надписей уже под сорок лет, а началось все с надписи Вознесенского: "Все богини — как поганки перед бабами с Таганки". Потом за это меня очень ругал один член Политбюро, который уже умер: "Безобразные, все стены исписаны до неприличия, как в сортире"...

— Летом между фестивалями вы успели отдохнуть?

— Как я иронически выражаюсь, я отдыхал с Гете и Федором Михайловичем Достоевским — ду-маю делать "Идиота". Или не делать. Мы были у мамы Кати (Каталина — жена и "правая рука" Любимова в театре. — М.К.) в Венгрии, с сыном увиделись, неделю были в горах, потому что везде было жарко, а я жару уже плохо переношу. Потом нас любезно пригласили к себе греки. Там все было очень вкусно — свежая рыба, садзики, прекрасная ризина — такое народное вино со смолкой, чтобы не портилось. Я его люблю холодное и со льдом.

— Давним хобби — подводной охотой — не занимались?

— Нет, только поплавал немножко. Жена всегда очень волнуется, когда я отплываю далеко от берега, и она кричит, как мама Буси Гольдштейна (в интерпретации от Любимова фраза произносится тем же одесским говором. — М.К.): "Буся, плыви назад, ты нужен Родине! Ты сидел на коленях товарища Сталина!". Каждый раз на пляже в Одессе у них была такая комедийная сцена.

— Кстати, про Гете — на "Фауста" уже известно распределение ролей?

— Но я вам все равно не скажу. Я еще не говорил это актерам — они узнают, когда я прочту пьесу на труппе. Очень трудно составить композицию, потому что там триста страниц. Не знаю, что из этого

Любимов и его команда.

выйдет, но, во всяком случае, я не буду играть "Фауста" два дня по одиннадцать часов, так как считаю, что в теперешнем ритме жизни надо делать короткие спектакли и более энергичные.

— После того трагического случая, когда актриса Ирина Линдт на репетиции сорвалась с высоты и упала, вы собираетесь ввести страховку на актеров?

— Да, сейчас у нас все люди, у которых роли требуют какого-то риска, застрахованы, в том числе в денежном выражении. Перед каждым спектаклем составляется акт, и пока не проверят, как действует страховка, спектакль не начнется. Помимо этого актеры обязаны предоставить медицинскую справку о том, что они могут работать в тех условиях. Конечно, у нас перестраховываются с правилами — они очень сложны и по ним вообще ничего нельзя делать. Например, нельзя вскочить на стол: если он высотой метр сорок, то уже нужно страховаться и делать какие-то ограждения. Но если на нем сделать ограждения, то он становится уже балконом, а не столом. Получается какая-то бессмыслица.

— Юрий Петрович, о чем вы думали сегодня с утра помимо театра?

— Я думал, будет ли горячая вода — чтобы, извиняюсь, вымыть голову, помыться и привести себя в порядок. Потому что хотя цены на жилье поднимаются, обслуживание бедных жильцов остается на прежнем пакудном уровне. Причем это Малая Никитская, самый центр. Оказалось, что горячая вода была, хотя, чтобы она появилась, надо было кран открыть и ждать минут пятнадцать. Сколько же мы воды зря тратим! Я думаю, что эта проблема — организации и дисциплины — актуальна для всех сфер производства и искусства. Безалаберный мы народ. Пока гром не грянет — мужик не перекрестится...

Мария КОСТОКЕВИЧ.